

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Паутина #01. О скрытых опасностях киберсекса

«Неплохой оранжевый жакет. Ничуть не портящий скрывающуюся под ним фигуру, кстати». Набрал означенную фразу, девятнадцатилетний веснушчатый парень у клавиатуры вдруг прикусил губу. Достаточно ли сдержанной она получилась? Не выдаст ли она реакции озабоченного подростка? Хотя он и вправду был ещё недавно подростком, ему не хотелось терять набранное в блогосфере за последний год реноме из-за грошовой шуточки. Стоит, пожалуй, подметить, что героя нашего юного звали Максимом и что был он по призванию блоггером — причём, по мнению некоторых, блоггером неплохим. Попурри из сатирических, философских и даже отчасти мистических умствований помогло ему расширить френдленту, а с нею и круг почитателей, едва ли не до полутысячи человек. Не так много, быть может? Но — большое тщеславие парня этот факт согревал. Как и периодические думы о женской части френдленты, которые, впрочем, он старался никому не показывать — дабы не уронить свой отстранённый образ теоретика потусторонних пространств. «Это не жакет, а топик», — гласил ответ собеседницы, уведомление о котором пришло секунду назад на почту. Собеседницу, к слову, звали в онлайнe Лекки. Комментарий был украшен желтопузым ехидно-угрожающим смайликом. Парень перевёл дух. Хотя, по правде говоря, на комплимент Лекки напрашивалась сама, разместив в блоге предположительно собственное фото с вопросом: «Что бы вы могли сказать об одежде этой девушки? И о её фигуре?» Но комментарий на этом не заканчивался. «Ох уж эти мужчины, не могут отличить куртку от комбинезона, rrrrr. — Ещё один смайлик изображал жизнерадостно высунувшийся язык. — А что там насчёт фигуры? Великому и Таинственному Гвестарио захотелось изучить её очертания получше?» Мы забыли упомянуть, что Гвестарио именовали в Сети нашего персонажа. Реальное или паспортное его имя казалось ему в эти минуты не особо существенным. Парень невольно покраснел. Подобные обертоны общения, несмотря на годичный сетевой стаж, были для его социофобной натуры всё ещё чересчур жарковаты. «Не искушай», — поставил умоляющий смайлик он. Стараясь не выпасть из образа. «Иначе что?» — живо возник ответный вопрос. Ну, строго говоря, прочёл его наш герой лишь минуту спустя, но для удобства мы изображаем здесь диалог так, как если бы он происходил в реальном времени. «Что плохого признать, что гротескному гроссмейстеру Гвестарио хочется, чтобы Лекки сняла с себя топик? Или ему этого не хочется, мм?» Нелегально-титолованный гроссмейстер куснул губу. Это она его давним шутивным прозвищем обозвала, паршивка. «Прижала», — поставив смеющийся смайлик, вынужденно сознался он. «Припёрла к стенке, да? — Её ряд смайликов был раза в три длиннее и раза в два бесстыдней. — Ну же, признай это. Напиши: «Мне бы хотелось увидеть Лекки на этом фото без оранжевого топика»». Губы Великого и Таинственного искривились в неловкой ухмылке. Что, если вправду так и написать, как она хочет? «Тебя как будто заводит это», — написал он прежде, чем успел отфильтровать фразу на предмет соответствия образу. «О-о-очень, — здесь вместо знака препинания стоял мечтательно-романтичный смайлик. — Когда я пытаюсь представить себе Гротескного Гроссмейстера, окидывающего взглядом всё мое тело, с головы до мизинчиков ног, кожу мою на миг охватывает зябкая сладкая щекотка». Парень у клавиатуры куснул губу. Брюки почему-то вдруг стали ему жать — что, впрочем, не так удивительно, если вспомнить, что период ожидания ответов от Лекки исчислялся минутами, на протяжении которых ему

совершенно некуда было деть руки. «Или ты стесняешься? Я закрыла этот пост от посторонних, так что видеть его и читать комментарии к нему можем только мы с тобой...» Это было последней каплей. «Да, мне бы дико хотелось увидеть Лекки на этом фото без оранжевого топика, раз уж ты спрашиваешь, — торопливо, не давая себе передумать, спотыкающимися пальцами впечатал он. — Да что там, увидеть её великолепное загорелое тело без всякой одежды вообще, увидеть её целиком». Чёрт, в образе ли он сейчас? Хотя ладно, образ его допускает как выпретенную философичность, так и немножко дурашливой легковесности. «Ммм, — глубокомысленно ответствовала она. Парень у экрана вдруг осознал, сколь встряхивающим воздействием на организм могут обладать банальные четыре буквы, если набрало их привлекательное существо противоположного пола. — Скажи, а что, коли не секрет, ты бы сотворил с Лекки, если бы мог? Дай волю воображению». Его бросило в жар. «Много всего. Я даже предполагать боюсь...» Неужто именно так и начинается легендарно-прославленный вирт, он же киберсекс? Тот, о котором он в своё время так много читал, но к которому из-за закомплексованности своей даже не ведал, как подступиться? «Напиши об этом. Пожалуйста. — В этот раз смайликов не было, но сама разбивка слов на фразы заставила парня чётко услышать в воображении голос Лекки — жаркий, обрывочный, выдыхающий слово за словом. — То, что ты хочешь сделать. Со мной... Напиши об этом в будущем времени, как о замышляемом плане. Можно даже грубо. Можно даже... с матом, насилием. Я хочу прочесть это. Я... нет, ох, я не могу сказать, чем сейчас занята». Если до этой минуты Гвестарио ещё старался поддерживать остатки приличия в поведении, то после прочтения свежеполученного комментария левая рука его вмиг переместилась под стол. Но, к несчастью, так трудно набирать одной рукой текст? «Ммм... — используя эти заветно-банальные буквы сам, он заалел гуще прежнего. — Я вытяну руку вперёд и проведу ею по твоей груди, по этим прекрасным мягчайшим полушариям, форма которых угадывается даже под топиком, стисну их крепче, сожму до боли соски». Созерцая свеженабранный текст, парень вытер вспотевшие руки. Неплохо, но как-то мало. Кажется, она хотела жёсткости, в духе тематических порносайтов? «Затем я заведу руку тебе за спину и, схватив за волосы, потяну рывком вниз, вынудив тебя таким образом упасть на колени. Ротик твой раскроется от неожиданности, я же резко прижмусь пахом к твоему личику, такому очаровательному на этом снимке, я проведу своим напряжённым докрасна органом по твоим губкам, твоему носику, губки эти от шока раскроются ещё шире и я вдвину в них свой клокочущий кровью столп почти до самого горла. Зажав тебе носик и лишив тебя возможности получать воздух сквозь ноздри, я не оставлю тебе иного выбора кроме тянущих действий ротиком, ты будешь вынуждена глотать, глотать сначала смазку, а потом семя, глотать, стоя обнажённой при всех на той самой детской площадке, где ты сфотографировалась, глотать, захлёбываясь сладко-солоноватой жижей». Перечитав эти немного пугающие даже его самого фразы, Гвестарио положил руку на компьютерную мышь. Отправлять или не отправлять? Что, если она не настолько мазохистка? Что, если её вообще не прельщают мысли о принудительном миньете? Впрочем, придумать какую-нибудь другую реплику он уже просто не успевал. «О н-нет... — предстал его глазам минутой позже ответ от сетевой собеседницы. — Как это... горячо». Строкою ниже: «Ты... скажи. Ты ведь... охxxx... знаешь, что бедная маленькая Лекки делает в данный миг? Где её... о небо, неужели я напишу это... рука?» Лицо Макса ожгло огнём, меж тем как его собственная рука на минуту потеряла всякую связь с клавиатурой. «Думаю, что ладошка прелестной миленькой Лекки сейчас в её

трусиках, — торопливо набрал он, не давая себе опомниться. — Как и подобает сладкой маленькой извращеночке?» Мышь в его правой руке взмокла от пота. Ещё вчера, да что там, ещё час назад он не осмелился бы даже в шутку назвать кого-нибудь из своих френдесс «извращеночкой». Ещё бы, вдруг та ославит его на весь Интернет и не оставит камня на камне от того образа романтического интеллектуала, пусть и слегка шаловливого, который он себе за десять месяцев создал? «О-о, да... я вся горю, я не могу понять, что со мною происходит, я не могу отвести взгляд от слов Гротескного Гроссмейстера, меня... будто пронзает молнией». Читая это, бедный парень вновь ощутил дикую тесноту в брюках. Лекки и прежде порою общалась с ним в льстиво-ироничной манере, титулуя его придуманными в Интернете величественно-забавными прозвищами, но теперь она подключила к этому сексуально-крупнокалиберную артиллерию. Как тогда, так и теперь на краю его разума не исчезали сомнения, не издевается ли попросту над ним Лекки. Но он не мог, просто не мог сейчас об этом думать. Как и отвести руку от брюк. «Напиши ещё... пожалуйста, — гласило продолжение комментария. — Напиши, какую ты видишь меня сейчас. Что я сейчас делаю... Не надо стесняться в словах, называй меня такую, какая я есть». Чтобы подключить к написанию ответа обе руки, гроссмейстеру гротескной гильдии пришлось сделать нечеловеческое усилие над собой. «Думаю, ты сейчас... беззастенчиво шликаешь собственным указательным пальчиком. Держишь ручку меж ножек, как последняя шалавочка, и теребишь без конца прелестную бусинку своего дивного укромнённого клитора. Потому что такие шлюшки, как ты, просто обожают сидеть день-деньской у компьютера с рукою под юбкой». Кажется, она говорила «Можно даже с матом?».

Поколебавшись, Гвестарио так и не смог придумать ни одной матерной фразы. Поэтому, ничтоже сумняшися, он заменил «последнюю шалавочку» на «самую распоследнюю проблядиночку». «О-оxxx... да!..» И вновь при чтении комментария Лекки он ощутил на миг некое неясное сомнение. Сомнение, которому кол в брюках не давал оформиться чётко? «Скажи... те. Гроссмейстер, вам... так же хорошо, как и... При чтении моих комментариев? Не надо цитировать их, просто опишите... м-м... что вы делаете, читая их?..» Руки его неловко зависли над клавишами. И вдруг в абсолютно нелитературном стиле Максим признался: «Бесстыже дрочу». Помедлив мгновение, он добавил: «Перечитываю твои комментарии в этой ленте, и рука сама липнет к трусам. Я не могу остановиться, я фапаю как сумасшедший, ты просто спускаешь меня с тормозов». «Как хорошо...» Гвестарио даже невольно приподнял бровь, удивившись краткости и невзрачности ответа. Ниже, впрочем, стояла строчка: «Тебе ведь нравится это?» «Очень!» — жарко выдохнул парень. Искренне надеясь, что собеседница воспримет это именно так — как жаркий выдох. Следующий комментарий был, строго говоря, не комментарием, а письмом. Пришедшим к нему на почту с неведомого доселе адреса: «Тогда... ты бы не мог перезагрузить сейчас ленту и перечитать комментарии вновь? Чтобы получить ещё больше... острого наслаждения?» Он моргнул, не сразу даже уяснив, о какой это ленте говорит Лекки. Потом со смутной тревогой подобрался, кликнул по соседней вкладке и потянулся к клавише F5. ~ ~ ~ ~ ~ Блог Лекки, пост «Маленький фото-опрос». Скользнув глазами чуть ниже снимка миловидной девушки в оранжевом топике и белых шортах, на обнажённом животе которой так и хотелось задержать взор, парень сперва недоумённо прищурился, затем ощутил разливающийся по спине озноб. Что это значит и как это могло произойти? Нет, туманно вспомнил он, редактировать свои комментарии на этом блогосервисе можно. Причём извещение об их редактировании к твоим

былым собеседникам может и не прийти, если ты закрыл им на время доступ к посту. Можно тут также и удалять комментарии чужие, если оставлены они в твоём блоге. Но зачем?

Краткая, но зажигательная беседа меж Лекки и Гвестарио выглядела отныне так:

ГВЕСТАРИО: Неплохой оранжевый жакет. Ничуть не портящий скрывающуюся под ним

фигуру, кстати. ЛЕККИ: Это вообще-то топик, но спасибо за комплимент. И отдельное

спасибо за то, что вы не наговорили пошлостей, как любят делать некоторые испорченные

молодые люди. ГВЕСТАРИО: Не искушай... ЛЕККИ: Простите? ГВЕСТАРИО: Тебя как будто

заводит это. ЛЕККИ: Меня? Я решительно не понимаю ваших намёков. Или вы чего-то от

меня хотите? ГВЕСТАРИО: Да, мне бы дико хотелось увидеть Лекки на этом фото без

оранжевого топика, раз уж ты спрашиваешь. Да что там, увидеть её великолепное загорелое

тело без всякой одежды вообще, увидеть её целиком. ЛЕККИ: На ресурсах соответствующей

тематики вы можете найти столько интересующих вас нагих загорелых тел, сколько желаете,

сударь. Засим прошу вас покинуть мой блог. ГВЕСТАРИО: Мммм... Я вытяну руку вперёд и

проведу ею по твоей груди, по этим прекрасным мягчайшим полушариям, форма которых

угадывается даже под топиком, стисну их крепче, сожму до боли соски. Затем я заведу руку

тебе за спину и, схватив за волосы, потяну рывком вниз, вынудив тебя таким образом упасть

на колени. Ротик твой раскроется от неожиданности, я же резко прижмусь пахом к твоему

личичу, такому очаровательному на этом снимке, я проведу своим напряжённым докрасна

органом по твоим губкам, твоему носику, губки эти от шока раскроются ещё шире и я вдвину

в них свой клокочущий кровью столп почти до самого горла. Зажав тебе носик и лишив тебя

возможности получать воздух сквозь ноздри, я не оставлю тебе иного выбора кроме тянущих

действий ротиком, ты будешь вынуждена глотать, глотать сначала смазку, а потом семя,

глотать, стоя обнажённой при всех на той самой детской площадке, где ты

сфотографировалась, глотать, захлёбываясь сладко-солоноватой жижей. ЛЕККИ: О ужас. Вы

больной. Я в последний раз прошу вас удалиться по-хорошему, иначе я воспользуюсь

банхаммером и пожалуюсь администраторам. Вы хоть задумываетесь об ощущениях

собеседника, вынужденного читать всё это? ГВЕСТАРИО: Думаю, что ладошка прелестной

миленькой Лекки сейчас в её трусиках. Как и подобает сладкой маленькой извращеночке?

ЛЕККИ: Вы просто псих. Интересно, кто-нибудь из ваших френдов знает об этом?

ГВЕСТАРИО: Думаю, ты сейчас... беззастенчиво шликаешь собственным указательным

пальчиком. Держишь ручку меж ножек, как самая распоследняя проблядиночка, и теребишь

без конца прелестную бусинку своего дивного укромненького клитора. Потому что такие

шлюшки, как ты, просто обожают сидеть день-деньской у компьютера с рукою под юбкой.

ЛЕККИ: Я не понимаю, вы вообще читаете то, что я пишу, или это для вас лишь так,

словесный мусор? Что вы творите? ГВЕСТАРИО: Бесстыже дрочу. Перечитываю твои

комментарии в этой ленте, и рука сама липнет к трусам. Я не могу остановиться, я фапаю как

сумасшедший, ты просто спускаешь меня с тормозов. ЛЕККИ: Вам что, и впрямь хочется,

чтобы я пожаловалась администрации? Или показала страничку этого разговора всем вашим

френдам? ГВЕСТАРИО: Очень! ~ ~ ~ ~ ~ Его передёрнуло при

прочтении последних строчек. Что, если это и вправду прочтёт Хранитель Жёлтого Тока,

импозантный мужчина из Кишинёва, автор блога о нанотехнологиях? Или Разумовичевский,

с которым случалось неоднократно пересекаться в пафосных спорах о структуре социума?

Или если это вдруг прочтёт Айна, миловидная поэтесса из Ташкента, чьи ножки на фото

некогда было приятно рассматривать, но сейчас воспоминание об этом почему-то не греет и

не смешит? Или Ману, благопочтенно-скромная увлекающаяся эзотерикой дама? Или Антале Му, странная художница из Еревана? Что, если она ненароком заглянет сюда и увидит, как он по-хамски расписывается в фантазиях отыметь только что увиденную на фото девушку в ротик? Чувствуя, как волоски на коже его правой руки встают дыбом, он подвёл курсор к надписи «Удалить» напротив одного из своих комментариев. Стереть, вычеркнуть всё, пока не поздно? «Хозяин дневника запретил редактировать и удалять комментарии». Ну да, этого следовало ожидать. Свои-то комментарии она отредактировала, временно сняв запрет. Если только этот запрет вообще распространяется на самого хозяина дневника? Тем временем в правом нижнем углу экрана издевательски замерцал конвертик, сигнализируя о новом пришедшем письме. «Думаю, тебе понравилось перечитывать нашу беседу. А уж в каком восторге будут твои дружки и подружки... Та же Розен, мур-р, которую ты так чутко поздравил с Новым Годом, попутно сдержанно похвалив кадры её фотоальбома. Или физик Терский? Кстати, на Веблит тоже не помешает кинуть ссылочку, вдруг тамошние писатели и читатели даже не подозревают, что таит за собою личина некоего интеллигентного весельчака? Та же Недобровольская, которая написала десяток комментариев к твоему рассказу о политиках каменного века, вы с ней, как видно, большие друзья. С неё и начну». Гвестарио — хотя сейчас он чувствовал себя скорее обычным стеснягой Максом, трясущимся и довольно жалким? — поспешно опустил пальцы на клавиатуру. Что писать, впрочем? Столь тупо и тускло он ещё ни разу себя не ощущал. Можно подумать, что кровь, приливавшая ещё недавно к концу живота, не успела в полной мере отхлынуть обратно к мозгу. «Зачем тебе это?» «Люблю разоблачать миражи. А тут ещё и моя сестричка чересчур тобой увлеклась, все уши прожужжала Легендарным Гвестарио. Я говорила ей, что все эти акулы киберпространства дутые нули по жизни, закомплексованные прыщавники, она не верила, а тут представился такой классный случай? Ну ничего, вот она вернётся к компьютеру, я дам ей это почитать». У Макса возникло смутное ощущение *deja vu*. Как будто о чём-то подобном он уже даже читал в каком-то рассказе? «Я её знаю?» «Можно сказать, что да. Видишь ли, в некотором роде она Лекки и есть». У Максима зашумело в ушах, а собеседница не спеша пояснила отдельным микрописьмом: «Мы делим один аккаунт на двоих, она присутствует в Сети чаще, так что она имеет больше прав называться Лекки. Ммммм, она будет просто в восторге от твоего желания увидеть её без топики, от твоих пассажей о её руке между ножек». «Фото принадлежит ей?» «Вообще-то мне, но мы очень похожи, прямо однойцевые близняшки. Посторонние люди редко могут нас различить». Он сглотнул слюну, глядя мутными глазами на экран. «Может, не надо... показывать ленту другим? Лекки-то ладно...» «Ух, то есть вы, молодой человек, строивший из себя маленького гиганта большой мысли, жаждете уйти безнаказанно после своих приставаний к невинной леди? Так не бывает». Смайлик, стоящий в конце микрописьма, олицетворял собою нечто наподобие грусти, насмешки и задумчивости одновременно. Максиму показалось, что он почти что слышит с обратной стороны монитора звонкий жизнерадостный смех. Он положил было пальцы на клавиатуру — но, передумав, отстранил их. Она явно вышла на связь с ним с нового почтового адреса не для того, чтобы дать ему хотя бы косвенную улику подделки того разговора. И уж тем более вряд ли она признает сейчас фальсификацию в переписке? Что уж говорить, теперь даже удивлявшие прежде Макса настройки Леккиного блога — «Не высылать на почту полный текст комментариев» и «Запрет прямого цитирования» — обрели скрытый смысл. — Чего же ты от меня хочешь? — в отчаянии спросил он. Подумав, Максим набрал это с

клавиатуры. «Чего я хочу? Ммммм, неужели некуртуазный джентльмен, замусоривший всю страничку Лекки описанием своих грязных желаний, заинтересовался наконец и желаньями барышни?» Пригоршня смайликов, подобная цветной гирлянде, отделяла одну строчку от следующей. «Значит, я могу теперь что-либо пожелать от великого и могучего Гвестарио, что он раболепно и неукоснительно выполнит? Эх, бедная маленькая Лекки просто не может поверить такому счастью». Парень машинально отметил, что теперь она снова именуется Лекки себя. Впрочем, ему и самому легче было воспринимать собеседницу так — имени-то её он не знал? «Не томи, — набрал он. — Просто скажи, что тебе нужно». Он проверил в очередной раз, действительно ли пост защищён от прочтения посторонними. Да, вроде бы пока ещё защищён. «Хм, — ответствовала в новопришедшем письме первая строчка. — Ты говорил, что тебе нравится читать комментарии Лекки, тебя это так возбуждает. Ты столь жарко об этом писал, что мне поневоле захотелось... увидеть тебя за этим». Максим, ничего не понимая, моргнул. И отправил ответное письмо — состоящее из одного только вопросительного знака. «Сфотографируйся целиком в том виде и в той позе, в которой ты читал комментарии бедняжки Лекки, мур-р, — уточнило следующее письмо. — Брюки и трусы спусти, если они и так на тебе не спущены, хихик. И заведись... м-м... ты ведь и без того уж завёлся, фантазируя о невинной девушке, не правда ли?» Скулы его свело, словно от прожёванного лимона. Если он сделает и отправит эту фотографию, ему наступит уже не просто конец. Катастрофа. «Как хочешь, Впрочем, — словно предвидя его колебания, добавило скучающим тоном следующее письмо. — Я сделаю пост доступным для всеобщего чтения через час, кинув всем твоим друзьям ссылку. Есть ли у тебя телефон или цифровой фотоаппарат, есть ли USB-провод, меня не волнует. Через час все увидят скрытую личину Гротескного Гроссмейстера. Я на этот час даже отойду от компьютера, чтобы не читать всякие жалкие уговоры, а потом просто проверю — пришло ли фото». Строчкой ниже: «Время пошло». Спуская с себя брюки и устанавливая смартфон в надлежащем положении возле кресла, Максим ощущал себя до невероятности жалко. Это не просто было тошнотворным и унижительным, это противоречило всем его усвоенным из романтических компьютерных журналов принципам веб-анонимности, он никогда и нигде не засвечивал даже приличные свои фото, не говоря уж о паспортных данных. Хотя, как знать, быть может, это и к лучшему? Так, по крайней мере, Лекки не сможет доказать твёрдо, что на фотографии красуется именно он, а не какой-нибудь подговорённый ею знакомый? Он посмотрел мутным взглядом на экран. Ему, вроде бы, следует завестись? Он вывел и впрямь на экран ленту с новыми комментариями Лекки, такими отрезвляющими, такими холодно-деловитыми, — и своими «приставаниями» в ответ. Как ни странно, его хлестнуло новой волной возбуждения. Рука Лекки под юбкой... Ч-чёрт. Чего хочет от него эта странная извращенка? Его собственная рука задвигалась всё быстрее, глаза его не отрывались от глаз Лекки на фотоснимке в посте — таких насмешливых, таких живых, как будто видящих его в эту секунду насквозь. Кровь его между тем, кажется, собралась целиком в трёх уголках организма — в низу живота и на кончиках ушей. Таймер фотоаппарата в телефоне глухо щёлкнул. Тем не менее парень не сразу остановился, на краю сознания даже мелькнуло — что, если попытаться дойти до пика, вернув таким образом ясность мышления и обретя попутно хоть какой-то навар? Следующая мысль, Впрочем, слегка умерила его пыл — мысль о том, в какой торжествующей ухмылке искривились бы губы этой злодейки, увидь она сейчас, с каким неподдельным удовольствием повинуетея он её шантажу. «Вот». Он так и не придумал, что ещё написать. Просто «Вот». «Ммм, какой превосходный

снимок», — ответствовало новое письмо. Пришедшее, к слову говоря, почти сразу после отправки предыдущего — что заставило Максима покраснеть. Получается, она блефовала, говоря о часе отсутствия у компьютера? «Кстати, — поинтересовалась вдруг собеседница, — а откуда я знаю, что это именно ты? Может, ты друга пригласил, или нашёл похабную фотку в Интернете, а?» Уши парня вновь вспыхнули. Отчасти — оттого, что ему даже не пришёл этот метод на ум? «Вот», — штампованно повторил он. В этот раз он приложил к письму фотографию себя одетого, сжимающего в правой руке бумажку с надписью «Я — Гвестарио». «Это всё равно ненадёжно. Давай так: ты сфотографируешь целиком свой паспорт и отошлешь мне фотку, а ещё поставишь снимок своего лица на аватар блога. Это даст хотя бы относительную гарантию, что великий и могучий Гвестарио не обманывает меня?» Зубы Максима стиснулись. Вроде бы он радовался, что фотографии эти всё равно нельзя чётко сопоставить с его виртуальным образом? «Я не люблю "светиться"», — беспомощно написал он. Не самое умное, что можно написать в разговоре с шантажисткой. «Хорошо... кстати, я сейчас держу пальчик над кнопкой "Отправить комментарий" в дневнике Жизели, твоей подружки. В окошке для отправки текста у меня стоит ссылка на разговор, ссылка обходного типа, позволяющая увидеть даже закрытую запись. Ты просто не представляешь, как мне хочется нажать эту кнопку...» Максима бросило в озноб. Жизель была его знакомой-геологом из Екатеринбурга, с которой он одно время плотно переписывался, испытывал дружескую теплоту и даже пытался помочь участием в паре психологических затруднений. Конечно, и о ней у него была буря извращённых неприличных фантазий, но глубокому уважению и симпатии это ничуть не мешало. «Ладно, — поспешно набрал он едва касающимися клавиатуры пальцами. — Я сейчас». В этот раз пауза между письмами продлилась чуть дольше прежнего, отчасти — ввиду необходимости изыскать документ. Часто ли великовозрастному инфантилу требуется паспорт? «Вот». Кажется, это слово уже стало кичевым. «А аватарку в дневнике изменил? Ай, какой молодец». Смайлик чуть ниже изображал пару приподнятых в знаке «V» пальцев. «Вот, стало быть, каким является в быту Великий и Ужасный Гвестарио. Мур-р, что-то подсказывает мне, что если я пробью по номеру паспорта базу данных и пришлю на его домашний адрес распечатку полученного фото, кое-чьи родственники будут просто в восторге?» Он лишь смотрел затуманенными глазами на очередное письмо, плохо осмысляя текст. «Город твоего жительства? — последовал в новом абзаце вопрос. — Только не вздумай врать — я всё равно пробью потом базу данных. Просто не хочу сейчас тратить на это время». Максим закусил губу. И, терзаемый сонмом неясных предчувствий, набрал ответ.